

Знаешь юности. — Минск, — 1991. — 4 мая

Сквозь силы притяженья

Саша Дольский... Лель наших бардов, поэт, певец, говорящий спокойно...

Римма КАЗАКОВА, из интервью.

ЧТО Ж, В ПОЛКУ поэтов-киноартистов при- было. Вслед за известными собратьями по перу, пусть и запоздало, новый постриг принял Александр Дольский. В прошлом месяце мы увидели по телевидению его роль в фильме независимой ленинградской студии — двухсерийной «Новой Шахерзаде», где он сыграл интеллигентного старичка-сэеда главной героини.

Ну, дай Бог Мастеру новых удачных ролей в кино, а мы поговорим все-таки о первоначальной и главной стороне его творчества — о песнях под гитару. Кстати, следует отметить, как характеризует это кудесничество на его альбомах: «А. Д. — пение, гитара». Не поэзия, не стихи даже, а пение. Не музыка, но гитара. Автор не претендует на звания ни поэта, ни композитора.

«Назвал я Музыку любимую сестрою, Поэзию — любимейшей сестрой».

Почему бы их, этих женщин, не сделать просто старшей и младшей? Но Мастер, видимо, решил: лучше превосходная степень любви, чем превосходная степень возраста, что по отношению к Женщинам было бы бестактно. Хотя тем самым уклонился от ответа на важный историко-эстетический вопрос о том, что же появилось раньше, какая форма исповедания.

А ведь вопрос очень важен для полного понимания творчества барда. Поскольку, по его собственному признанию, главенствующее место отводится именно поэзии, работа над словом — вот мука, тогда как над звуком — уже дар. Однако что получается? Выучив наизусть несколько песен Дольского, мы впредь не можем воспринимать тексты отдельно от мелодии, музыка оказывается отнюдь не второстепенной, аккорд и строчка неразрывны. То есть сбавляло у автора какое-то изначальное условие гармонии при сочинении песни.

Творчество Дольского потому объективно является целостной философской, этической системой, что, в принципе, песни его надо рассматривать в тесной связи друг с другом, а по отдельности, изолированно толковать нельзя: многие идеи сталкиваются и сплетаются, взаимопроницают.

Правда, сам бард на концертах своих не слишком охотно обращается к собственному «наследию», когда его просят исполнить что-либо из полюбившихся давнишних песен. Понятно, художник не стоит на месте, репертуар обновляется, жизнь — то мало-помалу, то скачками — изменяется, не отзываться на это невозможно, а Дольский умеет это делать и проникновенно, и иронично.

Но все же сегодня, в дни майских гастролей Мастера в Минске, хотелось бы вернуться к тем произведениям, без которых ни образ барда, ни фонотека его поклонников уже не мыслимы. Вновь услышать те песни, отношение к мудрости которых уже выросло, а любовь — осталась трепетной.

Уважаемая Совесть, где Вы прячетесь?.. А. Д. «Уважаемая Совесть».

...ИНАЧЕ НЕ МОГУ растолковать себе вос- клидания, от которого бросает в дрожь:

«...и кто мне объяснит, чего я сам не знал, тому я объясню все то, что сам не знаю».

Это сколько же нужно перестрадать, чтобы кровью сердца поклясться: я полюблю лишь того, кто полюбит меня?! То есть, я еще способен полюбить — но не первым, нет!

«Быть любимым — еще не беда, но при этом любить — наказание».

Здесь и признание за собой готовности к нежности, пока не утраченной, и признание в способности не доверять, уже приобретенной. Потому что нежная, прекрасная — это пора, сменяющая «цепь невзгод» и оттого «зре-

лые плоды», плоды не раз ожегшегося дове- рия, «приносящие праздность». Такова уж наша жизнь, что в ней «успехов и потерь — лишь мизерная разность». А значит, следует уяс- нить, сколь значителен для нашего счастья каждый глоток чистого воздуха...

Сомнения возникают там, где есть выбор, учит экзистенциализм. Человек сомневающийся — мучающийся человек. Казалось бы, в си- лу упомянутой «мизерной разности» легко ошибиться, совершая выбор в ту или иную сторону. Ведь не делать выбора — совсем уж бессовестно. По логике житейской, чем проще ошибиться — тем легче добиться прощения за ошибку?

Дольский над таким методом «поэтических оп- равданий измен, соблазнов и грехов» букваль- но издевается.

«...снова считаем рубли и победы.

Все понимаем. Все понимаем!»

Тут необходимо сказать несколько слов о той тенденции в делении мира на добро и зло, которая довольно четко, на наш взгляд, наме- тилась в морали современного молодого че- ловека. Дольский напрямую об этой тенден- ции не говорит, но опосредованно выражает ее достаточно трагически.

Речь идет о все менее строгом разграниче- нии добра и зла со следующей характерной чертой: если добро и понимается как добро, благо, то вот зло оказывается измеримым

такое хорошо и что такое плохо? Господи, вот они, самые ужасные плоды инфантильности. Видимо, надо впрыснуть молодому человеку изрядную дозу опыта добра и зла, чтобы разрушить количественную догму.

Для Дольского материализация слова зак- лючается в его одухотворенности, такой вот парадокс. Хорошо, когда человек заявляет: «Постигаю я терпение, мой друг, чистоте пытаюсь слово научить...»

Однако, когда терпение это выходит за пре- делы творчества, за границы созидания и ста- новится основной гранью морали, тогда обри- совывается крутизна дорог гибели человече- ства. А ведь одновременно Дольскому хочется «усвоить суть свободы и запрета, быть искрен- ним, как в час перед концом...» Что же меша- ет желанию воплотиться в жизнь, а слову ма- териализоваться в дело, а не в одухотворен- ность? — Та самая количественная нелепость, утверждаем мы, именно она портит целые системы мировоззрения, мировосприятия, вос- питания и преобразования.

«Стремись в заоблачные выси, но стой при этом на земле!»

Вопрос: зачем? Зачем стоять на земле? Че- стно говоря, тогда это уже и не выси вовсе, они тогда слишком нереальны, хотя и без ауры. Снова «мы земных земней»?

Поэзия, если она и ставит перед собой ка- кие-то цели вообще, то ближайшей целью ее

БЕССПОРНО, визитной карточкой творчест- ва Дольского можно назвать любую из боль- шинства его песен. Во многих из них присутст- вует именно авторский элемент — месяц или птицы: март, июль, сентябрь, снова март; «ме- сяц под номером восемь», ноябрь; журавль, соловей, жаворонок, ласточка, малиновка... А сколько деревьев: сосняк, береза, рябина, ель. В общем, все тут — Природа.

Но лично для меня Дольский открылся с Души. Песня «Посещение Маленького принца» — гимн явления по имени «Александр Доль- ский». Этот шедевр я почитаю прежде всего за то, что даже в самых, казалось бы, внутренне противоречивых произведениях отражаются не противоречия мировосприятия автора, а про- тиворечия самого мира. И подобное раздвое- ние смысла — тоже страдание, но уже превы- ше муки.

Ты спишь, когда к тебе приходит Маленький принц, да, ты спишь и только слышишь сквозь сон его песню в розовом призрачном дыме, а на следующий день находишь друга... знако- мишься с девушкой... пишешь стихи и музыку. Но тот, кто спит слишком крепко, — так креп- ко, что не видит снов, — тот никогда уже не будет счастлив. Потому что если ты хоть один раз прозеваешь посещение своего Маленького принца, он больше не появится у тебя в гостях. А ведь белый свет столь велик, что мальш может залететь в твою ночь, в твой сон вооб- ще лишь однажды, и от того, какой прием ты ему окажешь, зависит вся твоя дальнейшая судьба. Он не капризен — он очень чист и тре- бует этого же от других. Прошлое неоправи- мо — так разве поправимо будущее? Будь человеком в настоящем, будь сейчас челове- ком и другом, Другом и Человеком. Малень- кий принц — это мой большой друг; а может, и лучший. И потому, включив проигрыватель, я обязательно до конца выслушиваю каждую песню Дольского и никогда не обрываю ее на середине. Песня — жизнь, оформленная в речь и аккорды, жизнь в звуках. Остановить ее грешно, пусть она длится столько, сколько ей отведено человеческим гением. Пусть вечно летает маленький мальчик по Вселенной и пусть на каждой звезде, на каждой планете находит он друзей, песни и розы!

Но принц упрям. В нем неистов детский, я бы сказал — мальчишеский максимализм.

«И лучше пусть измена вновь, чем вечная полулюбовь, и лучше уж ползком, чем без движенья!..» Любовь в полмира, которую обещает автор («Мы сами мир свой создадим: представим Солнцу звездный дым, любовь себе придума- ем в полмира...»), взрослый человек, — такая любовь есть полулюбовь, это вполне определен- но высказано. Но тут — парадокс: лучше изме- на, пустота, чем полулюбовь, и — лучше полз- ком, чем без движения, то есть лучше «полу- движение», чем пустота. Любовь противостоит движению, Любовь — незыблемость для Ма- ленького принца, он жаждет и ищет вечной Любви.

«Пусть я весь мир не облечу — летать и падать я хочу, и вновь — летать сквозь силы притяженья!»

Мальчик путешествует меж звезд на пере- летных птицах. И мальчик качает головой со- всем не от недовольства делением чего-то по- полам, а оттого, что большой дядя, отворив- ший ночью дверь на балкон, не понимает, даже глядя на звезды, что они тем прекрас- нее, таинственней и реальнее, чем дольше не них смотришь. Даже самые далекие искорки неба обладают огромной притягательной си- лой для добрых глаз. Звезды — они огромные для тех, кто с ними рядом. Мальчик-то уж про это знает, он это видел. А дядя? Вроде бы, нет, откуда ему? Почему же мальчик посту- чал в дверь именно к нему?..

...Жаль, что раньше не встретил тебя, — слава Богу, что все-таки встретил!..

А. Д. «Посмотри мне в глаза».

Олег БОРОДАЧ.

количественно, и посему появляется некая третья форма жизнедеятельной категории — Не-добро. Нашего молодого человека, вы- росшего в среде косной пропаганды об ок- ружающем нравственном благополучии и по- павшего, например, в ситуацию армейской «дедовщины», надо разок стукнуть по затыл- ку — он почешется и чуть-чуть обидится, но отпора не даст; стукнуть его вторично — на- супится он, но все-таки останется безропот- ным; а потом дать ему раза покрепче и еще, издеваясь, заставить его вымыть чужие тапоч- ки, — вот тогда он восстанет и начнет вести борьбу. Ибо вспомнит, что он человек. Носи- тель чувства достоинства.

Где же, спрашивается, тот критерий, по ко- торому он оценивал предел допустимого ос- корбления со стороны другого и предел соб- ственного терпения унижений? Как мог, как смел он допустить, чтобы его не только уда- рили, но, убедившись в его человеческой не- полноценности, решили издеваться над ним?! Неужто нет у него — если не в мозгах, так в душе — четкой запрограммированности, что

может быть только освобождение. Освобо- ждение как отказ от чего-либо дурного. Когда же пороки лишь пережевываются, констати- руется критически их присутствие в человеке, и все при этом трактуется образным рядом, — получается красиво, печально, выстраданно, возвышенно, колко порою, — но все бесплод- но в прикладном пропагандистском смысле. Так, вроде бы?

Вывод: главное достоинство в творчестве Дольского — отсутствие всякой воинствующей дидактики, приводящей, кстати, обычно к об- ратному эффекту. Песни Дольского — тот идеальный случай, когда истины изрекаются исключительно от своего имени, без малейше- го насаждения их. Чувствует поэт веяния вре- мени, некие недоброкачественные тенденции в нравственном состоянии общества — и сла- ва Богу, и на то он и Поэт, через его сердце, как известно, проходит «трещина мира».